УДК 811.161.1’373

Женский городской антропонимикон 2-й половины XX в.: динамика, тенденции развития

А.М. Мезенко, Т.В. Скребнева
Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Статья посвящена выявлению основных тенденций развития и особенностей динамики женского городского антропонимикона 2-й половины XX в. Материалом для исследования послужили актовые записи о рождении г. Витебска за 1941–44 – 1994 гг., собранные на 6 хронологических срезах с интервалом в 10 лет (17816 единиц).

Устанавливается количественный состав женского именника на разных контрольных срезах, характеризуются статистические группы личных имен (популярные, редкие, единичные имена).

Делается вывод, что женский городской антропонимикон на современном этапе выходит на новую стадию развития, для которой характерны тенденция к увеличению числа имен, снижение уровня концентрации, рост антропонимной периферии за счет повышенного внимания языкового коллектива к заимствованным и редким календарным именам.

Подчеркивается общность тенденций развития женской и мужской подсистем антропонимикона, при этом в качестве отличительной особенности женского именника выделяется его повышенное стремление к разноименности.

Изучение имен собственных как составной части общей языковой системы имеет исключительно важное значение не только для ономастики, но и для всей лингвистической науки. Современный антропонимикон, который обеспечивает наши потребности в номинации и общении, обмене информацией, представляет собой сложную систему связей и отношений онимических фактов, разных в плане динамики, происхождения, структуры.

Антропонимы в силу их способности аккумулировать лингво-, социо-, этнокультурный опыт всегда привлекали внимание филологов. Вместе с тем в современных реалиях наблюдается асимметрия в исследовании социокультурных, прагматических, когнитивных механизмов употребления антропонимов, с одной стороны, и динамики региональных именословных систем – с другой. Несмотря на сокращение числа региональных изысканий, актуальность последних не ослабевает по причине неравномерной исследованности антропонимии восточных славян: в частности, отсутствуют обобщающие работы, раскрывающие закономерности развития современного городского антропонимикона белорусов, тогда как в России и Украине соответствующей проблематике посвящен ряд кандидатских диссертаций (И.В. Даниловой, Л.П. Зайчиковой,

Адрес для корреспонденции: 210015, г. Витебск, Московский пр-т, д. 58, кв. 51, e-mail: mezenka@yandex.ru – Мезенко А.М.

С.П. Павелко, Н.О. Свистун и др.).

Целью данной статьи является установление динамических особенностей и тенденций развития женской подсистемы антропонимикона современного белорусского города.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили актовые записи о рождении г. Витебска во 2-й половине XX в. (1941–44 – 1994 гг.; **17 816** единиц), собранные на 6 хронологических срезах, отстоящих друг от друга на 10 лет.

В основу исследования была положена методика В.Д. Бондалетова [1], позволяющая выделить статистические части именника (популярные, редкие, единичные имена) путем соотнесения частотности антропонимных единиц со *средним коэффициентом одноименности* (*СКО*; представляет собой частное от деления общего числа новорожденных на количество имен конкретного хронологического среза). Чем ниже показатель СКО, тем разнообразнее репертуар имен и ниже концентрация именника.

Результаты и их обсуждение. Результаты анализа динамики женской подсистемы именослова горожан дают основания для проведения аналогии с динамикой мужской подсистемы, однако проявление общих тенденций не исключает некоторых различий, одним из которых является большее стремление женского именника к разноименности.

За период 1941–44 – 1994 гг. **8608** новорожденным девочкам было присвоено **211** личных имен, что на **64** единицы превосходит сумму мужских именований (**147**). Максимальная разница между мужским и женским антропонимным репертуаром приходится на контрольный срез 1994 г. и составляет **22** единицы, а минимальная – **7** единиц – на срез 1964 г. Концентрация женской части именослова во 2-й половине XX в. вплоть до 80-х гг. непрерывно возрастает и по своей интенсивности уступает показателям мужской части. Только единожды – как следствие специфичности реакции разных гендерных составляющих регионального антропонимикона на либерализацию социальной атмосферы во время хрущевской «оттепели» (срез 1964 г.) – остановка тенденции к концентрации и расширение границ мужского именослова (СКО за десятилетие 1954–1964 гг. поднимается всего на **1** пункт) происходит на фоне методичного (на **4** пункта) роста СКО в группе женских имен. И, наоборот, тяготение мужской части постсоветского городского антропонимикона к разноименности также проявляется с большей интенсивностью (снижение СКО в 1990-е гг. составляет **12** единиц для женской подсистемы, **15** – для мужской). Итоги комплексного исследования динамики СКО именника жителей г. Витебска представлены нами в табл.

Таблица

Динамика среднего коэффициента одноименности витебского городского антропонимикона

Срез	Всего новорожд.	Девочек	Женск. имен	**СКО (жен.)**	Мальчиков	Мужск. имен	**СКО (муж.)**
1941–44	958	471	83	**5**	487	65	**7**
1954	3141	1579	81	**19**	1562	62	**25**
1964	3465	1706	73	**23**	1759	66	**26**
1974	4214	1996	72	**27**	2137	59	**36**
1984	3872	1851	83	**22**	1979	68	**29**
1994	2166	1005	99	**10**	1120	77	**14**

Примечание. 1974 г. – **81** мертворожденный, 1984 г. – **42** мертворожденных, 1994 г. – **41**. Мертворожденные младенцы до 1974 г. получали имя и учитывались в общем количестве новорожденных мальчиков и девочек. С 1974 г. им не присваивается имя и, следовательно, они не учитываются при расчете СКО, что приводит к несовпадению суммы новорожденных каждого пола (столбцы «Девочек», «Мальчиков») и данных столбца «Всего новорожденных».

Список устойчивых личных именований, обеспечивающих антропонимную преемственность разных поколений, традиционен и включает в себя **25** номинативных единиц (**11,84%** от общего репертуара женских имен; сравним: в мужской подсистеме – **19,04%**): *Александра, Алла, Анна, Антонина, Валентина, Галина, Диана, Евгения, Екатерина, Елена, Жанна, Зоя, Ирина, Лидия, Лилия, Любовь, Людмила, Маргарита, Мария, Надежда, Наталья / Наталия, Нина, Ольга, Светлана, Татьяна.* Несложно заметить, что важнейшим условием его традиционности выступает использование имен православного календаря, в котором из всех перечисленных личных антропонимов не отмечены только **два** – *Диана* и *Жанна.*

Особый интерес вызывают имена широкого употребления, составляющие ядро антропонимной системы. Применительно ко всему изучаемому синхроническому срезу в число десяти самых популярных имен входят *Татьяна* (**779** – **9,05%** новорожденных), *Елена* (**725** – **8,42%**), *Наталья / Наталия* (**713** – **8,28%**), *Светлана* (**588** – **6,83%**), *Ольга* (**587** – **6,82%**), *Ирина* (**521** – **6,05%**), *Людмила* (**362** – **4,20%**), *Галина* (**332** – **3,85%**), *Валентина* (**252** – **2,92%**), *Юлия* (**232** – **2,69%**).

Состав и удельный вес частых женских имен на каждом срезовом этапе следующие:

1941–1944 гг.: *Галина* (66 фиксаций), *Валентина* (42), *Тамара* (33), *Людмила* (24), *Лариса* (24), *Нина* (22), *Надежда* (19), *Мария* (18), *Зинаида* (15), *Вера* (15), *Любовь* (14), *Светлана* (13), *Лилия* (11), *Раиса* (9), *Татьяна* (8), *Ольга* (8), *Лидия* (8), *Наталья / Наталия* (6), *Жанна* (6), *Анна* (6), *Алина* (5), *Александра* (5).

1954 г.: *Галина* (170), *Людмила* (162), *Татьяна* (151), *Валентина* (130), *Светлана* (97), *Наталья / Наталия* (91), *Алла* (68), *Тамара* (67), *Лариса* (62), *Надежда* (59), *Любовь* (49), *Ольга* (41), *Вера* (40), *Анна* (34), *Ирина* (32), *Раиса* (28), *Елена* (23), *Зоя* (22), *Лилия* (21), *Нина* (21), *Мария* (19).

1964 г.: *Елена* (230), *Ирина* (206), *Татьяна* (188), *Светлана* (177), *Наталья / Наталия* (130), *Ольга* (79), *Людмила* (77), *Галина* (65), *Алла* (60), *Валентина* (49), *Лариса* (45), *Марина* (43), *Инна* (41), *Жанна* (36), *Любовь* (24), *Инесса* (23), *Оксана* (23).

1974 г.: *Наталья / Наталия* (299), *Елена* (265), *Татьяна* (244), *Светлана* (202), *Ольга* (167), *Ирина* (142), *Оксана* (79), *Людмила* (69), *Марина* (50), *Инна* (42), *Жанна* (37), *Юлия* (29), *Надежда* (27).

1984 г.: *Ольга* (247), *Татьяна* (158), *Елена* (157), *Наталья / Наталия* (145), *Юлия* (138), *Ирина* (115), *Анна* (99), *Екатерина* (90), *Марина* (89), *Анастасия* (79), *Светлана* (79), *Виктория* (49), *Надежда* (41), *Алеся / Олеся* (34), *Людмила* (27), *Мария* (26), *Александра* (22), *Кристина* (22).

1994 г.: *Анастасия* (102), *Екатерина* (71), *Юлия* (60), *Анна* (51), *Кристина* (48), *Виктория* (46), *Елена* (46), *Ольга* (45), *Мария* (44), *Наталья / Наталия* (42), *Дарья / Дария* (41), *Татьяна* (30), *Александра* (28), *Валерия* (28), *Марина* (28), *Ирина* (25), *Яна* (22), *Светлана* (20), *Вероника* (17), *Ксения* (13), *Алина* (11), *Карина* (11), *Оксана* (10).

Антропонимический вопрос о культурной истории популярных имен чрезвычайно сложен и многоаспектен. В пространстве русской культуры одно из немногочисленных исследований подобного рода [2] посвящено происхождению и судьбе имени *Светлана*. Росту симпатий языкового коллектива к этому имени способствовал ряд факторов общественного характера: память об известной балладе В.И. Жуковского, несомненная благозвучность и соответствие модели других русских женских антропонимов на *-на* (*Татьяна, Елена, Ирина*). «В условиях социалистической действительности произошло частичное переосмысление этого имени – оно получило дополнительную, «советскую», окраску, согласуясь с новой символикой понятия *светлый* и ассоциируясь с новой символикой понятия *свет* (*свет коммунизма, светлый путь, светлое будущее* и пр.), что, соответствуя романтическим настроениям времени, безусловно, импонировало молодым родителям» [2, с. 341]. Помимо всего прочего, *Светлана* стала одним из самых любимых имен культурной и партийной советской элиты. Пережив успех в «элитных» кругах, *Светлана* уверенно «шагнула» в народ: по данным Е.В. Душечкиной, расцвет ее популярности в России приходится на 50–60-е гг. XX в., а медленное угасание, сопровождаемое ощущением «банальности», «истрепанности», начинается с 1970-х годов [2, с. 341, 353–354]. Применительно к витебской антропонимной системе следует уточнить, что имя *Светлана* продержалось на необычайной высоте не просто «более двух десятилетий» [2 с. 354], а ровно полвека (1941–44 – 1984 гг.), только в 1990-е гг. спустившись на пятнадцатую строчку антропонимного рейтинга. Для сравнения: в женском именнике г. Барнаула за восьмидесятилетний период развития *Светлана* только дважды (в 30–40-е и 80-е гг. XX в.) входит в список частых имен (и ни разу в его первую десятку) [3, с. 298–299].

Несмотря на консервативность витебского именослова, его ядерная часть на протяжении шестидесяти лет претерпевает существенное обновление. Каждое десятилетие в десятку самых популярных женских имен проникают в среднем **3** новые антропонимные единицы (в мужскую десятку – от **1** на срезе 1954 г. до **5** (срезы 1964, 1994 гг.), что приводит к совпадению списка лидирующих антропонимов 1941–1944 и 1994 гг. только в одном имени – *Мария*. Витебский репертуар имен повышенной популярности на

хронологически близких отрезках обладает определенным сходством с репертуаром россиянок (Смоленск, Барнаул [4; 3]) и украинок (Одесса [5, с. 12–13]): на контрольном срезе 40-х гг. XX в. общими для них являются **4** (*Галина, Валентина, Тамара, Людмила)*, 50-х – также **4** (*Валентина, Галина, Татьяна, Наталья*), 60-х – **5** именований (*Людмила, Татьяна, Наталья, Елена, Ирина*). В 70-е годы к стабильно общей четверке *Татьяна, Наталья, Елена, Ирина* добавляется *Ольга*, а в 80-е – *Юлия, Анна, Екатерина*. К концу XX в. (1994 г.) качественное совпадение десятки частотных женских именований в белорусском и российском (барнаульском) локальных антропонимиконах составило **80%** (**8** единиц): *Мария, Юлия, Елена, Ольга, Анна, Екатерина, Анастасия, Дарья*. Проиллюстрированное синхроническое усиление сходства ядерной группы личных антропонимов предположительно может быть вызвано углублением модных влияний в сфере номинации. Тем не менее белорусский женский именослов 1940-х гг. отличается от российского и украинского повышенной востребованностью знаменитой греческой триады *Вера–Надежда–Любовь*, 1950-х – более широкой употребительностью имен *Лариса* и *Алла*, 60-х – тридцатилетней историей (1941–44 – 1964 гг.) пребывания в активном антропонимном фонде *Галины*, *Валентины*.

Об антропонимических процессах можно судить и на основании исследования редких и единичных имен, обеспечивающих разнообразие именной системы. Для выявления характерных особенностей функционирования редких / единичных именований в женской и мужской частях антропонимикона особенно показательными являются следующие группы личных имен: имена-гипокористики, искусственные имена, заимствования.

Остановимся подробнее на описании каждой из выделенных групп.

Гипокористики получили наибольшую продуктивность в женском именнике 1940–1950-х гг., когда их количество достигало соответственно **13** и **8** единиц (сравним: 1964 г. – **1**; 1974, 1984 гг. – по **2**; 1994 г. – **3).** В 1940-е гг. основная масса сокращенных форм имела мягкую основу (**8** единиц: *Леля, Тоня, Люся, Маланя, Лиля, Аля, Геля, Нэля*). В 50-е гг. зафиксировано уже только **3** имени-гипокористики с мягкой основой (*Нэля, Люся, Броня*), преимущественное распространение получают «твердые» формы (*Таиса, Мина, Ксана, Симма, Лора* ← *Лариса* либо аббревиатура из первых букв словосочетания *Ленин и Октябрьская революция*). Антропонимный материал 1960–1970-х гг. демонстрирует абсолютное употребление «твердых» форм (*Рита, Сана*), а 80-х – их равное количество с «мягкими» (*Вита, Ася*). В мужском именнике за всю 2-ю половину XX в. обнаружено всего **2** сокращенных имени: *Алик, Макс* (оба с основой на твердый согласный; 1954 г.). Понимая некоторую условность предлагаемого объяснения, отметим, что подобная диспропорция в числе мужских и женских гипокористических имен может быть связана с нормами традиционной маскулинности и фемининности. Базисными для традиционного мужского стереотипа исследователи называют три основных фактора: «... статус (потребность в достижении успеха и уважении других), твердость, непоколебимость (внутренняя сила и уверенность в себе), отрицание фемининности…» [6, с. 166]. Полные имена, включающие в свой семантический инвариант компонент серьезный («я хочу говорить с тобой так, как не говорят с детьми…», маркированные формы) либо квази-серьезный («я не хочу говорить с тобой

так, как говорят с детьми», немаркированные формы) [7, с. 111–112], в официальном контексте полностью вписываются в стереотип маскулинности, поскольку они не маркируют близость. Семантический же инвариант кратких основ включает отсылку к детям, а их мягких форм – еще и отсылку к хорошим чувствам, что, думается, нехарактерно для именования мужчины в официальной ситуации, так как противоречит стереотипным маскулинным свойствам. Аналогично истолковывается тенденция к возрастанию употребительности твердых кратких форм женских имен: по справедливому замечанию А. Вежбицкой, они «ближе к немаркированным полным именам» [7, с. 114], в отличие от мягких форм, не ассоциируются с «мягкими», теплыми семейными терминами (типа *тётя, дядя, няня*).

Искусственные имена представляют собой плод индивидуального номинативного творчества и отличаются от ядерных именных моделей наличием «непригашенного» апеллятивного значения. Несмотря на нерегулярность искусственных единиц номинации, степень их продуктивности в мужском и женском корпусе именований разнится: соотношение искусственных антропонимов, использованных при наречении мальчиков и девочек на протяжении 2-й половины XX в., составило **1:7**. Единственный случай самостоятельного имятворчества родителей в мужской подсистеме городского антропонимикона зафиксирован в 1994 г. в семье цыган (*Граф*). Современный женский именник содержит 7 отапеллятивных производных: *Ветвина* (1943 г., семья белорусов, отец – колхозник, мать – домохозяйка), *Лира* (1954 г., русско-белорусская семья, отец – техник-геофизик, мать – преподаватель), *Таина* ← *тайна?* с изменением фонетико-акцентуационного облика слова (1974 г., белорусы, отец – электромонтажник, мать – контролер ОТК); *Русалина, Алмаза* (1994 г., оба имени зарегистрированы в цыганской среде), *Карина* (в 1990-е годы входит в фонд частых имен; в армянских семьях встречается в форме *Каринэ*).

Одним из наиболее продуктивных способов расширения границ национального именослова является заимствование. На Витебщине в XX в. иноязычные имена присутствуют постоянно, ибо этому широко способствует и географическое положение региона, и его смешанный национальный состав. Устойчивый репертуар иноязычных личных именований в основном включает в себя антропонимы, отобранные русским / белорусским языками и распространенные в российских локальных антропонимиконах: четыре десятилетия бытования в периферии витебского именника 2-й половины XX в. насчитывает *Эмилия* (срезы 1954, 1974, 1984, 1994); по три – *Альбина* (1944, 1984, 1994) и *Анжела* (1964–1984), *Виолетта* (1974–1994) и *Илона* (1964, 1974, 1994), *Инга* (1974–1994) и *Эльвира* (1944, 1964, 1994). В разные периоды единично зафиксированы заимствования из восточных (*Алия, Айгун, Гюльнара, Залина, Лейла, Наринэ, Каринэ, Нанули, Роксана, Тахмина, Мадина*) и современных западноевропейских, в том числе западнославянских языков (*Янина, Геля* ← Гелена, *Ядвига, Снежана, Лиана, Анэля, Дана, Иветта, Клара, Изабелла, Лузия, Розалия, Элеонора, Элла, Грета, Эмма, Лилиана, Жаклина, Ирена, Марианна, Виргиния* и мн. др.), причем заметное увеличение последних относится к периоду «перестройки» и соответствует современным тенденциям в развитии апеллятивной лексики.

Сопоставление статистической организации мужской и женской частей антро-

понимикона во второй половине XX в. обнаружило, во-первых, сходство в удельном весе частых имен (самое большое расхождение количественных показателей на контрольном срезе 1974 г. составляет **3,89%**), во-вторых, значительное расхождение в динамике удельного веса первой пятерки лидирующих антропонимов в 50-е (среди новорожденных мальчиков – **50,26%** имяносителей, девочек – **44,97%**) и 70-е годы (**58,97%** / **50,54%**). Амплитуда колебаний антропонимной периферии достигает «пиковых» точек в 50-е (резкое сокращение контингента, обслуживаемого единичными именами, в женской подсистеме с **9,34%** до **1,96%**, в мужской – с **4,52%** до **1,34%**) и 90-е годы (его повышение до **4,98%** / **2,14%**), а для группы женских именований – еще и в 70-е гг., когда рост процентных показателей фонда редких имен приближается к **6%**, выдвигая его на максимальный для XX в. уровень – **16,18%**.

Критические точки в соотношении статистических групп женских личных именований не всегда совпадают с периодами резких изменений их частотности: так, если расширение репертуара (1974 г. – **29,17%**, 1984 г. – **40,96%**, 1994 г. – **50,51%**) и употребительности редких имен однозначно приходится на 1980–1990-е гг., то период увеличения единичного фонда имен значительно шире, нежели пик его употребительности, и охватывает три десятилетия (1954 г. – **35,80%**, 1964 г. – **41,10%**, 1974 г. – **52,78%**).

Заключение. Итак, на основании проведенного исследования мы приходим к пониманию того, что женский именник, равно как и мужской, на современном этапе выходит на новую стадию своего развития, для которой характерны тенденция к увеличению числа имен, снижение уровня концентрации, усиление выделительной функции имени, рост антропонимной периферии за счет повышенного внимания языкового коллектива к заимствованным и редким календарным именам. Одной из отличительных особенностей женского именослова является стремление к разноименности, обусловливающее повышенное качественное и количественное разнообразие его репертуара, меньшее проявление тенденции к концентрации, меньшую степень употребительности «сквозных» имен.

Литература

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Душечкина, Е.В. Культурная история имени: Светлана / Е.В. Душечкина // Имя: семантическая аура / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 323–360.
3. Васенко, И.С. Динамика женского именника г. Барнаула в XX в. / И.С. Васенко // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – С. 296–301.
4. Королева, И.А. Имена на Смоленщине: история и современность: учеб. пособие по спецкурсам «Русская антропонимика», «Имена смолян: прошлое, настоящее, будущее» / И.А. Королева, И.В. Данилова, А.Н. Соловьев; отв. ред. И.А. Королева. – Смоленск: СГПУ, 2005. – 196 с.
5. Зайчикова, Л.П. Русский именник г. Одессы. Проблемы развития и взаимодействия: автореф. … дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.П. Зайчикова; Одесский гос. ун-т им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1986. – 16 с.
6. Митина, О.В. Идеология маскулинности в России: постановка проблемы и экспериментальное исследование / О.В. Митина, А. Касперт, Н.А. Низовских // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 164–176.

7. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [сб. ст.: пер. с англ.] / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – М.: Рус. слов., 1997. – 411 с.

S U M M A R Y

The article deals with revealing of the main tendencies of development and peculiarities of the dynamic processes of female urban anthroponimicon in the second half of the XXth century.

Поступило 16.03.2010